

Борис АКУНИН

СМЕРТЬ АХИЛЛЕСА

детектив о наемном убийце

**(Приключения Эраста Фандорина
#4)**

Часть первая

Фандорин

Глава первая,

в которой звенья случайностей сплетаются в цепь судьбы

Едва утренний петербургский поезд, еще толком не вынырнув из клубов паровозного дыма, остановился у перрона Николаевского вокзала, едва кондукторы откинули лесенки и взяли под козырек, как из вагона первого класса на платформу спрыгнул молодой человек весьма примечательной наружности. Он словно сошел с картинки парижского журнала, воспевающего моды летнего сезона 1882 года: светло-песочный чесучовый костюм, широкополая шляпа итальянской соломки, остроносые туфли с белыми гамашами и серебряными кнопками, в руке – изящная тросточка с серебряным же набалдашником. Однако внимание привлекал не столько щегольской наряд пассажира, сколько импозантная, можно даже сказать, эффектная внешность. Молодой человек был высок, строен, широкоплеч, на мир смотрел ясными голубыми глазами, ему необычайно шли тонкие подкрученные усики, а черные, аккуратно причесанные волосы имели странную особенность – интригующе серебрились на висках.

Носильщики споро выгрузили принадлежавший молодому человеку багаж, который заслуживает отдельного описания. Помимо чемоданов и саквояжей на перрон вынесли складной велосипед, гимнастические гири и связки с книгами на разных языках. Последним из вагона спустился низенький, кривоногий азиат плотного телосложения с чрезвычайно важным толстощеким лицом. Он был одет в зеленую ливрею, очень плохо сочетавшуюся с деревянными сандалиями на ремешках и цветастым бумажным веером, что свисал на шелковом шнурке с его шеи. В руках коротышка держал четырехугольный лакированный горшок, в котором произрастала крошечная сосна, словно перенесшаяся на московский вокзал прямиком из царства лилипутов.

Оглядев скучные станционные строения, молодой человек с не вполне понятным волнением вдохнул прокопченный вокзальный воздух и прошептал: «Господи боже, шесть лет». Однако долго предаваться мечтательности ему не позволили. На пассажиров со столичного поезда уже налетели извозчики, по большей части из числа приписанных к московским гостиницам. В бой за красавца-брюнета, смотревшегося завидным клиентом, вступили лихачи из четырех гостиниц, что считались в первопрестольной самыми шикарными – «Метрополя», «Лоскутной», «Дрездена» и «Дюссо».

– А вот в «Метрополь» пожалуйста! – воскликнул первый. – Новейший отель по истинно европейскому обычаю! А для китайца вашего при номере особая каморка имеется!

– Это не к-китаец, а японец, – объяснил молодой человек, причем обнаружилось, что он слегка заикается. – И я бы желал, чтобы он поселился вместе со мной.

– Так извольте к нам, в «Лоскутную»! – оттеснил конкурента плечом второй извозчик. – Ежели снимаете номер от пяти рублей, доставляем бесплатно. Домчу с ветерком!

– В «Лоскутной» я когда-то останавливался, – сообщил молодой человек. – Хорошая гостиница.

– Зачем вам, барин, энтот муравейник, – вступил в схватку третий. – У нас в «Дрездене» тишь, благолепие, и окошки прямо на Тверскую, на дом князя-губернатора.

Пассажир заинтересовался:

– В самом деле? Это очень удобно. Я, видите ли, как раз должен служить у его сиятельства. Пожалуй...

– Эх, сударь! – вскричал последний из кучеров, молодой франт в малиновой жилетке, с набриолиненным до зеркального блеска пробором. – У Дюссо все наилучшие писатели останавливались – и Достоевский, и граф Толстой, и сам господин Крестовский.

Уловка гостиничного психолога, обратившего внимание на связки с

книгами, удалась. Красавец-брюнет ахнул:

– Неужто граф Толстой?

– А как же, чуть в Москву пожелуют, так первым делом к нам-с. – Малиновы уже подхватил два чемодана и деловито прикрикнул на японца. – Ходя-ходя, твоя за мной носи!

– Ну к Дюссо, так к Дюссо, – пожал плечами молодой человек, не ведая, что это его решение станет первым звеном в роковой цепочке последующих событий.

– Ах, Маса, как Москва-то переменялась, – все повторял по-японски красавчик, беспрестанно вертась на кожаном сиденье пролетки. – Прямо не узнать. Мостовая вся булыжная, не то что в Токио. Сколько чистой публики! Смотри, это конка, она по маршруту ходит. И дама наверху, на империале! А прежде дам наверх не пускали – неприлично.

– Почему, господин? – спросил Маса, которого полностью звали Масахиро Сибата.

– Ну как же, чтоб с нижней площадки не подглядывали, когда дама по лесенке поднимается.

– Европейские глупости и варварство, – пожал плечами слуга. – А я вам, господин, вот что скажу. Как только прибудем на постоянный двор, надо будет поскорей куртизанку вызвать к вам, и чтоб непременно первого разряда. А мне можно третьего. Тут хорошие женщины. Высокие, толстые. Гораздо лучше японок.

– Отстань ты со своей ерундой, – рассердился молодой человек. – Слушать противно.

Японец неодобрительно покачал головой:

– Ну сколько можно печалиться по Мидори-сан? Вздыхать из-за женщины, которую никогда больше не увидишь – пустое занятие.

Но его хозяин все-таки вздохнул, а потом еще раз и, видно, чтобы отвлечься от грустных мыслей, спросил у кучера (как раз проезжали Страстной

монастырь):

– А кому это на б-бульваре памятник поставили? Неужто лорду Байрону?

– Пушкин это, Александр Сергеевич, – укоризненно обернулся возница. Молодой человек покраснел и опять залопотал что-то по-ненашему, обращаясь к косоглазому коротышке. Извозчик разобрал только трижды повторенное слово «Пушкин».

Гостиница «Дюссо» содержалась на манер самых лучших парижских – с ливрейным швейцаром у парадного подъезда, с просторным вестибюлем, где в кадках росли азалии и магнолии, с собственным рестораном. Пассажир с петербургского поезда снял хороший шестирублевый номер с окнами на Театральный проезд, записался в книге коллежским ассессором Эрастом Петровичем Фандориным и с любопытством подошел к большой черной доске, на которой по европейскому обыкновению были мелом написаны имена постояльцев.

Сверху крупно, с завитушками, число:

25 июля. Пятница ~ 7 Juliet, vendredi [7 июля, пятница (фр.)].

Чуть ниже, на самом почетном месте, каллиграфически выведено:

Генерал-адъютант-от-инфантерии М.Д.Соболев ~ № 47.

– Не может быть! – воскликнул коллежский ассессор. – Какая удача! – И, обернувшись к портье, спросил. – У себя ли его высокопревосходительство? Мы с ним д-давние знакомцы!

– Так точно, у себя-с, – поклонился служитель. – Только вчера въехали. Со свитой. Все угольное помещение заняли, вон за той дверью коридор весь ихний-с. Но пока почивают, и тревожить не велено-с.

– Мишель? В полдевятого утра? – изумился Фандорин. – Это на него непохоже. Впрочем, люди меняются. Извольте передать г-генералу, что я в номере двадцатом – он непременно захочет меня видеть.

И молодой человек повернулся идти, но тут произошла еще одна случайность, которой суждено было стать вторым звеном в хитроумной

вязи судьбы. Дверь, ведущая в занятый высоким гостем коридор, внезапно приоткрылась, и оттуда выглянул чернобровый и чубатый казачий офицер с орлиным носом и впалыми, синеватыми от небритости щеками.

– Человек! – зычно крикнул он, нетерпеливо потрянув листком бумаги. – Пошли на телеграф депешу отправить. Живо!

– Гукмасов, вы? – Эраст Петрович распростер объятья. – Сколько лет, сколько зим! Что, все Патроклом при нашем Ахиллесе? И уже есаул. П-поздравляю!

Однако этот дружественный возглас не произвел на офицера никакого впечатления, а если и произвел, то неблагоприятное. Есаул обжег молодого щеголя недобрым взглядом черных цыганских глаз и ни слова больше не говоря захлопнул дверь. Фандорин так и застыл в нелепой позе с раскинутыми в стороны руками – будто хотел пуститься в пляс да передумал.

– В самом деле, – смущенно пробормотал он. – Как все п-переменилось – и город, и люди.

– Не прикажете ли завтрак в номер? – спросил портье, делая вид, что не заметил ассессорова конфуза.

– Нет, не нужно, – ответил тот. – Пусть лучше принесут из погреба ведро льду. А, пожалуй, что и д-два.

В номере, просторном и богато обставленном, постоялец повел себя весьма необычно. Он разделся догола, перевернулся вниз головой и, почти не касаясь стены ногами, десять раз отжался от пола на руках. Слугу-японца поведение господина ничуть не удивило. Приняв от коридорного два ведра, наполненные колотым льдом, азиат высыпал аккуратные серые кубы в ванну, налил туда холодной воды из медного крана и стал ждать, пока коллежский ассессор закончит свою диковинную гимнастику.

Минуту спустя раскрасневшийся от экзерциций Фандорин вошел в ванную комнату и решительно опустил в устрашающую ледяную купель.

– Маса, достань вицмундир. Ордена. В бархатных коробочках. Поеду представляться князю.

Говорил он коротко, сквозь стиснутые зубы. Очевидно, купание требовало изрядных волевых усилий.

– К самому императорскому наместнику, вашему новому господину? – почтительно спросил Маса. – Тогда я достану и меч. Без меча никак невозможно. Одно дело – русский посол в Токио, которому вы служили раньше, с ним можно было не церемониться. И совсем другое – губернатор такого большого каменного города. Даже и не спорьте.

Он отлучился и вскоре вернулся с парадной чиновничьей шпагой, благоговейно неся ее на вытянутых руках.

Очевидно поняв, что спорить бесполезно, Эраст Петрович только вздохнул.

– Так как насчет куртизанки, господин? – спросил Маса, обеспокоено глядя на голубое от холода лицо хозяина. – Здоровье прежде всего.

– Пошел к черту. – Фандорин, клацая зубами, поднялся. – П-полотенце и одеваться.

* * *

– Входите, голубчик, входите. А мы вас тут поджидаем. Так сказать, тайный синедрион в полном составе, хе-хе.

Такими словами приветствовал принаряженного коллежского асессора всемогущий хозяин матушки-Москвы князь Владимир Андреевич Долгорукой.

– Да что ж вы стали на пороге? Пожалуйста вот сюда, в кресло. И зря в мундир вырядились, да еще при шпаге. Ко мне можно попросту, в сюртуке.

За шесть лет, которые Эраст Петрович провел в заграничных странствиях, старый генерал-губернатор сильно сдал. Каштановые кудри (явно искусственного происхождения) никак не желали прийти к соглашению с изборозженным глубокими морщинами лицом, в вислых усах и пышных бакенбардах подозрительно отсутствовали седые волосы, а чересчур молодецкая осанка наводила на мысль о корсете. Полтора десятка лет правил князь первопрестольной, правил мягко, но хватко, за что недруги называли его Юрием Долгоруким и Володей Большое Гнездо, а доброжелатели Владимиром Красно Солнышко.

– Вот и наш заморский гость, – сказал губернатор, – обращаясь к двум важным господам, военному и статскому, сидевшим в креслах подле необъятного письменного стола. – Мой новый чиновник особых поручений коллежский асессор Фандорин. Назначен ко мне из Петербурга, а прежде служил в нашем посольстве на самом краю света, в Японской империи. Знакомьтесь, голубчик, – обернулся князь к Фандорину. – Московский обер-полицеймейстер Караченцев Евгений Осипович. Опора законности и порядка. – Он жестом показал на рыжего свитского генерала со спокойным, цепким взглядом карих, чуть навывкате глаз. – А это мой Петруша, для вас Петр Парменович Хуртинский, надворный советник и правитель секретного отделения генерал-губернаторской канцелярии. Что на Москве ни случись, Петруша сразу узнаёт и мне доносит.

Пухлый господин лет сорока, с ювелирно уложенным зачесом на продолговатой голове, с подпертыми крахмальным воротничком сытыми щечками и сонно полуприкрытыми веками чинно кивнул.

– Я, голубчик, неслучайно вас именно в пятницу пожаловать попросил, – задумчиво произнес губернатор.

– Как раз по пятницам в одиннадцатом часу у меня заведено разные секретно-деликатные дела обсуждать. Сейчас вот намечено тонкого вопроса коснуться – где достать денег на завершение росписи Храма. Святое дело, крест мой многолетний. – Он набожно перекрестился.

– Интриги там промеж художников, да и воровства хватает. Будем думать, как с московских толстосумов на богоугодное дело миллион вытрясти. Что ж, господа секретчики, было вас двое, теперь будет трое. Как говорится, совет да любовь. Вы ведь, господин Фандорин, ко мне как раз для тайных дел назначены, не правда ли? Рекомендации у вас отличные, не по годам. Чувствуется, что человек вы бывалый.

Он испытующе глянул новенькому в глаза, но тот выдержал взгляд и даже, кажется, без особого трепета.

– Я ведь вас помню, – вновь превратился в доброго дедушку Долгорукой. – Был на вашем венчании, как же. Все, все помню... Возмужали, сильно переменились. Ну да и мы не молодеем. Присаживайтесь, голубчик, присаживайтесь, я церемоний не люблю...

И как бы ненароком пододвинул к себе формулярный список новичка – фамилию-то запомнил, да имя-отчество из головы выскочило. А в таких делах, знал опытный Владимир Андреевич, промашки давать нельзя. Всякому человеку обидно, когда его имя путают, и уж тем более ни к чему без нужды подчиненных обижать.

Эраст Петрович – вот как его звали, красавчика этого. При взгляде на раскрытый формуляр князь нахмурился, потому что список был нехорош. Опасностью пахло от списка. Уже не раз и не два просмотрел генерал-губернатор личное дело своего нового сотрудника, а ясности не прибавилось.

Формуляр и в самом деле выглядел претайнственно. Ну, 26-ти лет, православного вероисповедания, потомственный дворянин, уроженец Москвы. Это ладно. По окончании гимназии, согласно прошению, приказом по московской полиции утвержден в чине коллежского регистратора и определен на должность письмоводителя в Сыскное

управление. Это тоже понятно.

Но затем начинались сплошные чудеса. Что это, спрашивается, такое – уже через два месяца:

«За отличную усердную превосходную службу Всемиловитейше произведен вне всякой очереди в чин титулярного советника с зачислением по Министерству иностранных дел»!

А далее, в графе «награждения» и того пуще:

«Орден Св. Владимира 4 степени за дело „Азазель“ (секретный фонд Отдельного корпуса жандармов)»; «орден Св.Станислава 3 степени за дело „Турецкий гамбит“ (секретный фонд Военного министерства)»; «орден Св.Анны 4 степени за дело „Алмазная колесница“ (секретный фонд Министерства иностранных дел)».

Сплошные секреты!

Эраст Петрович деликатно, но зорко посматривал на высокое начальство и в минуту составил первое впечатление – в целом благоприятное. Стар князь, но из ума еще не выжил и, кажется, не без актерства. Не укрылось от внимания коллежского асессора и затруднение, обозначившееся на физиономии его сиятельства при просмотре формулярного списка. Фандорин сочувственно вздохнул, ибо, хотя своего личного дела не читал, но примерно представлял себе, что там может быть написано.

Воспользовавшись возникшей паузой, Эраст Петрович взглянул на двух

чиновников, которым по долгу службы полагалось ведать всеми московскими тайнами.

Хуртинский ласково щурился, улыбался одними губами – вроде бы приветливо, но в то же время как бы и не тебе, а неким собственным мечтаниям. На улыбку надворного советника Эраст Петрович не ответил – этот тип людей он знал слишком хорошо и очень не любил.

Вот обер-полицеймейстер ему скорее понравился, и генералу Фандорин слегка улыбнулся – без малейшей, однако, искренности. Генерал учтиво покивал, но, странное дело, посматривал на молодого человека не без жалости.

Эраст Петрович над этим ломать голову не стал – со временем разъяснится – и снова обернулся к князю. Тот тоже всю участвовал в этом безмолвном, но, впрочем, не выходящем за рамки приличий смотрин-ном ритуале.

На лбу у князя прорезалась одна особенно глубокая морщина, свидетельствующая о крайней степени задумчивости. Главная мысль у его сиятельства была сейчас такая: «А не камарилья ли тебя подослала, милый юноша? Не под меня ли копать? Очень похоже на то. Мало мне Караченцева».

А жалостливый взгляд обер-полицеймейстера был вызван обстоятельствами иного рода. В кармане у Евгения Осиповича лежало письмо от прямого начальника – директора департамента государственной полиции Плевако. Старый друг и покровитель Вячеслав Константинович писал приватным образом, что Фандорин – человек толковый и заслуженный, в свое время пользовался доверием покойного государя и в особенности бывшего шефа жандармов, однако за годы заграничной службы от большой политики отстал и услан в Москву, ибо в столице применения ему не сыскалось. Евгению Осиповичу молодой человек на первый взгляд показался симпатичным – остроглазый такой, держится с достоинством. Не знает, бедняга, что высшие сферы на нем поставили крест. Приписали к старой калоше, вскорости предназначенной на помойку. Такие вот думы были у генерала Караченцева.

А о чем думал Петр Парменович Хуртинский – бог весть. Больно уж

таинственного хода мысли был мужчина.

Немой сцене положило конец появление нового персонажа, бесшумно выплывшего откуда-то из внутренних губернаторских покоев. Это был высокий тощий старик в потертой ливрее с лысым блестящим черепом и лоснящимися расчесанными бакенбардами. В руках старик держал серебряный поднос с какими-то склянками и стаканчиками.

– Ваше сиятельство, – сварливо сказал ливрейный.

– Пора от запора отвар кушать. Сами потом жаловаться станете, что Фрол не заставил. Забыли, как вчера-то кряхтели да плакались? То-то. Нут-ко, ротик раскройте. Такой же тиран, как мой Маса, подумал Фандорин, хотя обличья прямо противоположного. И что за порода этакая на нашу голову!

– Да-да, Фролушка, – сразу же капитулировал князь.

– Я выпью, выпью. Это, Эраст Петрович, мой камердинер Ведищев Фрол Григорьевич. С молодых ногтей меня опекает. А вы что же, господа? Не угодно ли? Славный травничек. На вкус гадкий, но от несварения исключительно помогает и работу кишечника стимулирует превосходнейшим образом. Фрол, налей-ка им.

Караченцев и Фандорин от травничка наотрез отказались, а Хуртинский выпил и даже уверил, что вкус не лишен своеобразной приятности.

Фрол дал князю запить отвар сладкой наливочкой и закусить тартинкой (Хуртинскому не предложил), вытер его сиятельству губы батистовой салфеточкой.

– Ну-с, Эраст Петрович, какими же такими особыми поручениями мне вас занять? Ума не приложу, – развел руками замаслившийся от наливочки Долгорукой. – Советников по таинственным делам у меня, как видите, хватает. Ну да ничего, не тушуйтесь. Обживитесь, присмотритесь...

Он неопределенно махнул и мысленно прибавил: «А мы пока разберемся, что ты за воробей».

Тут допотопные, с измайльским барельефом, часы гулко пробили одиннадцать раз, и подстегнулось третье звено, замкнувшее фатальную

цепочку совпадений.

Дверь, что вела в приемную, распахнулась безо всякого стука, и в щель просунулась перекошенная физиономия секретаря. По кабинету пронесся невидимый, но безошибочный ток Чрезвычайного События.

– Ваше сиятельство, беда! – дрожащим голосом объявил чиновник. – Генерал Соболев умер! Тут его личный ординарец есаул Гукмасов.

На присутствующих эта новость подействовала по-разному – в соответствии со складом натуры. Генерал-губернатор махнул на скорбного вестника рукой – мол, изыди, не желаю верить – и той же рукой перекрестился. Начальник секретного отделения на миг приоткрыл глаза в полную ширину и немедленно опять смежил веки. Рыжий обер-полицеймейстер вскочил на ноги, а на лице коллежского асессора отразились два чувства: сначала сильнейшее волнение, а сразу вслед за тем глубокая задумчивость, не покидавшая его в продолжение всей последующей сцены.

– Ты зови есаула-то, Иннокентий, – мягко велел секретарю Долгорукой. – Вот ведь горе какое.

В комнату, чеканя шаг и звеня шпорами, вошел давешний лихой офицер, что не пожелал в гостинице броситься в объятия Эрасту Петровичу. Теперь он был чисто выбрит, в парадном лейб-казацком мундире и при целом иконостасе крестов и медалей.

– Ваше высокопревосходительство, старший ординарец генерал-адъютанта Михал Дмитрича Соболева есаул Гукмасов! – представился офицер. – Горестная весть... – Он сделал над собой усилие, дернул разбойничьим черным усом и продолжил. – Господин командующий 4-ым корпусом прибыл вчера из Минска проездом в свое рязанское имение и остановился в гостинице «Дюссо». Сегодня утром Михал Дмитрич долго не выходил из номера. Мы забеспокоились, стали стучать – не отвечает. Тогда осмелились войти, а он... – Есаул сделал еще одно титаническое усилие и добился-таки, договорил, так и не дрогнув голосом. – А господин генерал в кресле сидит. Мертвый... Вызвали врача. Говорит, ничего нельзя сделать. Уж и тело остыло.

– Ай-ай-ай, – подпер щеку губернатор. – Как же это? Ведь Михаил

Дмитриевич молод. Поди, и сорока нет?

– Тридцать восемь ему было, тридцать девятый, – тем же напряженным, вот-вот сорвется, голосом доложил Гукмасов и быстро заморгал.

– А что за причина смерти? – спросил Караченцев, нахмурившись. – Разве генерал болел?

– Никак нет. Был здоров, бодр и весел. Врач предполагает удар либо паралич сердца.

– Ладно, ты иди, иди, – отпустил ординарца потрясенный известием князь. – Все, что нужно, сделаю и государя извещу. Иди. – А когда за есаулом закрылась дверь, сокрушенно вздохнул. – Ох, господа, теперь начнется. Шутка ли – такой человек, любимец всей России. Да что России – вся Европа Белого Генерала знает... А я к нему сегодня с визитом собирался... Петруша, ты отошли депешу государю императору, ну, сам там сообразишь. Нет, наперед покажи мне. А после распорядись насчет траура, панихиды и... Ну, сам знаешь. Вы, Евгений Осипович, порядок мне обеспечьте. Как слух пройдет, вся Москва к Дюссо хлынет. Так смотрите, чтоб никого не передавили, расчувствовавшись. Я москвичей-то знаю. И чтоб чинно все было, прилично.

Обер-полицеймейстер кивнул и взял с кресла папку для доклада.

– Разрешите идти, ваше сиятельство?

– Ступайте. Охо-хо, шуму-то, шуму-то будет. – Князь вдруг встрепенулся. – А что, господа, ведь, пожалуй, и государь прибудет? Непременно прибудет! Ведь не кто-нибудь, сам герой Плевны и Туркестана Богу душу отдал. Рыцарь без страха и упрека, недаром Ахиллесом прозван. Дворец кремлевский надо подготовить. Это уж я сам...

Хуртинский и Караченцев подались к двери, готовые к исполнению полученных поручений, а коллежский асессор как ни в чем не бывало сидел в кресле и смотрел на князя с некоторым недоумением.

– Ах да, голубчик Эраст Петрович, – вспомнил про новенького Долгорукой. – Не до вас теперь, сами видите. Вы уж пока обвыкайтесь. Ну, и будьте близко. Может, поручу что-нибудь. Дела всем хватит. Ох, беда,

беда...

– А что же, ваше сиятельство, расследования не б-будет? – внезапно спросил Фандорин. – Такое значительное лицо. И смерть странная. Надо бы разобраться.

– Какое еще расследование, – досадливо поморщился князь. – Говорят же вам, государь прибудет.

– Я однако же имею основания предполагать, что здесь дело нечисто, – с поразительным спокойствием заявил коллежский ассессор.

Его слова произвели впечатление разорвавшейся гранаты.

– Что за нелепая фантазия! – вскричал Караченцев, разом утратив к молодому человеку всякую симпатию.

– Основания? – презрительно бросил Хуртинский. – Какие у вас могут быть основания? Откуда вы вообще можете что-либо знать?

Эраст Петрович на надворного советника даже не взглянул, а обратился прямо к губернатору:

– Извольте ли видеть, ваше сиятельство, по случайности я остановился как раз у Дюссо. Это раз. Михаила Дмитриевича я знаю с д-давних пор. Он всегда встает с рассветом, и вообразить, что генерал стал бы почивать до столь позднего часа, совершенно невозможно. Свита забеспокоилась бы уже в шесть утра. Это два. Я же видел есаула Гукмасова, которого тоже отлично знаю, в п-половине девятого. И он был небрит. Это три.

Здесь Фандорин сделал многозначительную паузу, словно последнее сообщение имело какую-то особенную важность.

– Небрит? И что с того? – недоуменно спросил обер-полицеймейстер.

– А то, ваше превосходительство, что никогда и ни при каких обстоятельствах Гукмасов не может быть небритым в половине девятого утра. Я прошел с этим человеком б-балканскую кампанию. Он аккуратен до педантизма и никогда не выходил из своей палатки не побрившись, даже если воды не было и приходилось растапливать снег. Полагаю, что

Гукмасов с самого раннего утра знал, что его начальник мертв. Если знал, то почему так долго молчал? Это четыре. Надобно разобраться. Тем более, если приедет г-государь.

Последнее замечание, кажется-, подействовало на губернатора сильнее всего.

– Что ж, Эраст Петрович прав, – сказал князь поднимаясь. – Тут дело государственное. Назначаю негласное расследование обстоятельств кончины генерал-адъютанта Соболева. И без вскрытия, видно, не обойтись. Но только смотрите, Евгений Осипович, аккуратненько, без огласки. И так слухов будет... Петруша, слухи будешь собирать и докладывать мне лично. Расследование, разумеется, проведет Евгений Осипович. Да, не забудьте насчет бальзамирования распорядиться. С героем многие проститься захотят, а лето жаркое. Неровен час протухнет. Что же до вас, Эраст Петрович, то коли уж судьба поместила вас в «Дюссо» и коли вы так хорошо знали покойного, попробуйте разобраться в этом деле со своей стороны, действуя, так сказать, партикулярным образом. Благо вас в Москве пока не знают. Вы ведь чиновник особых поручений – так вот вам особое, уж особое не бывает.

Глава вторая,

в которой Фандорин приступает к расследованию

К расследованию обстоятельств смерти прославленного полководца и всенародного любимца Эраст Петрович приступил довольно странно. С превеликим трудом прорвавшись в гостиницу, со всех сторон окруженную двойным кордоном полиции и скорбящими москвичами (горестные слухи испокон веку распространялись по древнему городу быстрее, чем ненасытные августовские пожары), молодой человек, не глядя ни вправо, ни влево, поднялся в свой двадцатый номер, бросил слуге фуражку и шпагу, а на расспросы лишь качнул головой. Привычный Маса понимающе поклонился и проворно расстелил на полу соломенную циновку. Куцую шпажонку почтительно обернул шелком и положил на шифоньер, сам же, ни слова не говоря, вышел в коридор и встал спиной к двери в позе грозного бога Фудомё, повелителя пламени. Когда по коридору кто-то шел, Маса прикладывал палец к губам, укоризненно цыкал языком и показывал то на запертую дверь, то куда-то в область своего пупка. В результате по этажу мигом разнесся слух, что в двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и будто бы даже уже рожает.

А тем временем Фандорин сидел на циновке и был абсолютно неподвижен. Колени ровно расставлены, тело расслаблено, кисти вывернуты ладонями вверх. Взгляд коллежского асессора был устремлен на собственный живот, если точнее – на нижнюю пуговицу вицмундира. Где-то там, под золотым двуглавым орлом, располагалась магическая точка тандэн, источник и центр духовной энергии. Если отрешиться от всех помыслов и всецело отдаться постижению самого себя, то в душе наступит просветление, и самая головоломная проблема предстанет в виде простом, ясном и разрешимом. Эраст Петрович изо всех сил старался отрешиться и просветлеть, что очень непросто и достигается лишь путем долгой

тренировки. Природная живость мысли и проистекающая отсюда нетерпеливость делали упражнение в самоконцентрации особенно трудным. Но, как сказал Конфуций, благородный муж идет не тем путем, что легок, а тем, что труден, и потому Фандорин упорно всматривался в проклятую пуговицу, дожидаясь результата.

Сначала мысли никак не желали отступить, а, наоборот, плескались и бились, как рыбешки на мелководье. Потом все внешние звуки постепенно стали отдаляться и исчезли вовсе, рыбешки уплыли на глубину, а в голове за клубился туман. Эраст Петрович разглядывал золотой металлический кружок с гербом и ни о чем не думал. Секунду, минуту или, может быть, час спустя императорский орел вдруг явственно качнул обеими головами, корона заиграла искорками, и Эраст Петрович встрепенулся. План действий составил сам собой.

Кликнув Масу, Фандорин велел подать сюртук и, пока переодевался, коротко объяснил своему вассалу, в чем суть дела.

Дальнейшие передвижения коллежского асессора ограничивались пределами гостиницы и происходили по маршруту: вестибюль – швейцарская – ресторан. Переговоры с гостиничной прислугой заняли не час и не два, так что у двери отсека, который в «Дюссо» уже прозвали «соболевским», Эраст Петрович появился ближе к вечеру, когда тени стали длинными, а солнечный свет густым и тягучим, как липовый мед.

Фандорин назвался жандарму, сторожившему вход в коридор, и был немедленно впущен в царство печали, где говорили только шепотом, а передвигались исключительно на цыпочках. Номер 47, куда вчера въехал, доблестный генерал, состоял из гостиной и спальни. В первой из комнат собралось довольно много народу – Эраст Петрович увидел Караченцева с чинами жандармерии, адъютантов и ординарцев покойного, управляющего гостиницей, а в углу, ткнувшись носом в портьеру, глухо рыдал камердинер Соболева, известный всей России Лукич. Все словно ждали чего-то, то и дело поглядывая на закрытую дверь спальни. К Фандорину подошел обер-полицеймейстер и вполголоса пробасил:

– Профессор судебной медицины Веллинг проводит вскрытие. Что-то долго очень. Поскорей бы уж.

Словно вняв пожеланию генерала, белая, с резными львиными мордами, дверь дернулась и со скрипом отворилась. В гостиной сразу стало очень тихо. На пороге появился седой господин с брыластым, недовольным лицом, в кожаном фартуке, над которым посверкивал эмалью аннинский крест.

– Ну вот, ваше превосходительство, кончено, – мрачно произнес брыластый, который, видимо, и был профессором Веллингом. – Могу изложить.

Генерал оглядел комнату и повеселевшим голосом сказал:

– Со мной войдут Фандорин, Гукмасов и вот вы. – Он небрежно мотнул подбородком на управляющего. – Остальных прошу дожидаться здесь.

Первое, что увидел Эраст Петрович, войдя в обитель смерти, – перетянутое черным шарфом зеркало в игривой бронзовой раме. Тело усопшего лежало на кровати, а на столе, видимо, перетащенном из гостиной. Взглянув на очерченный белой простыней контур, Фандорин перекрестился и на минуту забыл о следствии, вспомнив красивого, храброго, сильного человека, которого знал когда-то и который теперь превратился в продолговатый предмет неясных очертаний.

– Дело очевидное, – сухо начал профессор. – Ничего подозрительного не обнаружено. Я еще сделаю анализы в лаборатории, но абсолютно уверен, что жизнедеятельность прекратилась в результате паралича сердечной мышцы. Налицо также паралич правого легкого, но это, вероятнее всего, не причина, а следствие. Смерть наступила мгновенно. Даже окажись рядом медик, спасти все равно не удалось бы.

– Но ведь он был молод и полон сил, прошел через огонь и воду! – Караченцев приблизился к столу и отвернул край простыни. – Неужто просто взял и умер?

Гукмасов отвернулся, чтобы не видеть мертвого лица своего начальника, а Эраст Петрович и управляющий, наоборот, подошли поближе. Лицо было спокойным и значительным. Даже знаменитые размашистые бакенбарды, по поводу которых так подшучивали либералы и насмешничали иностранные карикатуристы, в смерти пришились к стати – обрамляли восковой лик и придавали ему еще больше величия.

– Ох, какой герой, истинный Ахиллес, – пробормотал управляющий, на французский манер рокоча буквой "р".

– Время смерти? – спросил Караченцев.

– Между первым и вторым часом ночи, – уверенно ответил Веллинг. – Не ранее, но и никак не позже. Генерал повернулся к есаулу:

– Что ж, теперь, когда причина смерти установлена, можно заняться деталями. Рассказывайте, Гукмасов. И поподробней.

Поподробней есаул, видимо, не умел. Его рассказ вышел коротким, но, впрочем, исчерпывающим:

– Прибыли с Брянского вокзала в шестом часу. Ми-хал Дмитрич отдохнул до вечера. В девять ужинали в здешнем ресторане. Потом поехали кататься по ночной Москве. Никуда не заезжали. Вскоре после полуночи Михал Дмитрич сказал, что желает вернуться в гостиницу. Хотел сделать какие-то записи, он над новым боевым уставом работал...

Гукмасов покосился на бюро, стоявшее подле окна. На откидной доске были разложены бумаги, чуть в стороне – небрежно отодвинутое полукресло. Евгений Осипович подошел, взял исписанный листок, уважительно покивал.

– Распоряжусь, чтобы всё собрали и переправили государю. Продолжайте, есаул.

– Господам офицерам Михал Дмитрич велел располагать собой. Сказал, что дойдет пешком, хочет прогуляться.

Караченцев насторожился:

– И вы отпустили генерала одного? Ночью? Довольно странно!

Он многозначительно взглянул на Фандорина, но того эта подробность, кажется, нисколько не заинтересовала – коллежский асессор подошел к бюро и зачем-то водил пальцем по бронзовому канделябру.

– Поди-ка с ним поспорь, – горько усмехнулся Гукмасов. – Я сунулся было

– так глянул, что... Да ведь он, ваше превосходительство, не то что по Москве ночной, по горам турецким и степям текинским в одиночку разгуливал... – Есаул мрачно покрутил длинный ус. – До гостиницы-то Михал Дмитрич дошел. До утра вот не дожил...

– Как вы обнаружили тело? – спросил обер-полицеймейстер.

– Вот здесь сидел, – показал Гукмасов на полукресло. – Назад откинувшись. И перо на полу...

Караченцев присел на корточки, потрогал чернильные пятна на ковре. Вздохнул:

– Да уж, пути Господни...

Наступившую печальную паузу бесцеремонно нарушил Фандорин. Полуобернувшись к управляющему и по-прежнему поглаживая злосчастный канделябр, он громким шепотом спросил:

– А что это у вас электричество не заведено? Я еще давеча удивился. Такая современная г-гостиница, а даже газа нет – свечами номера освещаете.

Француз принялся было объяснять, что со свечами бонтоннее, чем с газом, а электрическое освещение уже есть в ресторане и к осени непременно появится на этажах, но Караченцев прервал не относящуюся к делу болтовню сердитым покашливанием.

– А как провели ночь вы, есаул? – возобновил он допрос.

– Заехал к боевому товарищу, полковнику Дадашеву. Посидели, поговорили. В гостиницу вернулся на рассвете и сразу завалился спать.

– Да-да, – вставил Эраст Петрович, – ночной портье сказал мне, что вы вернулись уж засветло. Еще послали его за бутылкой сельтерской.

– Верно. Честно говоря, выпил лишнего. Горло пересохло. Я всегда рано встаю, а тут как на грех проспал. Сунулся с докладом к генералу – Лукич говорит, не вставали еще. Я подумал, видно, заработался вчера Михал Дмитрич. Потом, в полдевятого уже, говорю – идем, Лукич, будить, а то осерчает. Да и непохоже на него. Входим сюда – а он раскинулся вот так

вот (Гукмасов откинул голову назад, зажмурил глаза и приоткрыл рот), и уж холодный. Вызвали врача, депешу в корпус послали... Тут-то вы меня, Эраст Петрович, и видели. Извините, что не поприветствовал старого товарища – сами понимаете, не до того было.

Вместо того, чтобы принять извинение, в котором, правду сказать, при подобных обстоятельствах и нужды никакой не было, Эраст Петрович чуть склонил голову на бок и, заложив руки за спину, сказал:

– А вот мне в здешней ресторации рассказали, будто вчера некая дама пела для его высокопревосходительства и якобы даже сидела за вашим столом. Кажется, известная на Москве особа? Если не ошибаюсь, Вандой зовут. И вроде бы вы все, включая и г-генерала, уехали с ней?

– Да, была какая-то певичка, – сухо ответил есаул. – Подвезли ее и высадили. А сами дальше поехали.

– Куда подвезли, в «Англию», в Столешников? – проявил удивительную осведомленность коллежский асессор. – Мне. сказали, госпожа Ванда именно там к-квартирует?

Гукмасов сдвинул грозные брови, и голос его стал сухим чуть ли не до скрежета:

– Я Москву плохо знаю. Тут недалеко, в пять минут докатили.

Фандорин покивал и, очевидно, утратил интерес к есаулу – заметил возле кровати дверцу стенного сейфа. Подошел, повернул ручку, и дверца открылась.

– Что там, пуст? – спросил обер-полицеймейстер. Эраст Петрович кивнул:

– Так точно, ваше превосходительство. Вон и ключ торчит.

– Что ж, – тряхнул рыжей головой Караченцев. – Бумаги, какие найдем, под сургуч. Там разберемся, что родственникам пойдет, что в министерство, а что и самому государю. Вы, профессор, вызывайте помощников и займитесь бальзамированием.

– Как, прямо здесь? – возмутился Веллинг. – Бальзамировать – это вам,

господин генерал, не капусту квасить!

– А вы хотите, чтобы я тело через весь город к вам в академию перевозил? Выгляньте в окно, там яблоку упасть негде. Нет уж, располагайтесь здесь. Благодарю, есаул, вы свободны. А вы, – обратился он к управляющему, – исполняйте все пожелания господина профессора.

Когда Караченцев и Фандорин остались вдвоем, рыжий генерал взял молодого человека под локоть, отвел в сторонку от прикрытого простыней тела и вполголоса, словно покойник мог подслушать, спросил:

– Ну, что скажете? Насколько я мог понять по вашим вопросам и поведению, объяснения Гукмасова вас не удовлетворили. В чем вы видите неискренность? Ведь про свою утреннюю небритость он разъяснил вполне убедительно. Не находите? Проспал после ночной попойки – самое обычное дело.

– Гукмасов проспять не мог, – пожал плечами Фандорин. – Не той закалки человек. И уж тем более не сунулся бы, как он утверждает, с докладом к Соболеву, предварительно не приведя себя в порядок. Лжет есаул, это ясно. Но дело, ваше превосходительство...

– Евгений Осипович, – перебил его генерал, слушавший с чрезвычайным вниманием.

– Дело, Евгений Осипович, – с учтивым поклоном продолжил Фандорин, – еще серьезней, чем я думал. Соболев умер не здесь.

– Как это «не здесь»? – ахнул обер-полицеймейстер. – А где?

– Не знаю. Но позвольте спросить, почему ночной портье – а я с ним говорил – не видел, как Соболев вернулся?

– Возможно, куда-то отлучился и не хочет в этом признаваться, – возразил Караченцев, более для полемики, нежели всерьез.

– Невозможно, и чуть позже я объясню, почему. Но вот загадка, которой вы мне уж т-точно не разъясните. Если бы Соболев вернулся в номер ночью, да еще после этого сидел за столом и что-то писал, он непременно зажег бы свечи. А вы посмотрите на канделябр – свечи-то целехоньки!

– В самом деле! – Генерал хлопнул себя по обтянутой тугими рейтузами ляжке. – Да вы, Эраст Петрович, молодцом. Зато из меня хорош сыщик. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Я ведь по жандармской части определен недавно, раньше по гвардейской кавалерии состоял. Что же, по-вашему, могло произойти?

Фандорин сосредоточенно подвигал вверх-вниз собольими бровями.

– Г-гадать не хочу, однако совершенно ясно, что после ужина Михаил Дмитриевич в номер не заходил, так как к тому времени уже стемнело, а свеч, как мы знаем, он не зажигал. Да и официанты подтверждают, что Соболев и его свита уехали сразу же после трапезы. В то, что ночной портье, человек основательный и очень д-дорожающий своим местом, мог отлучиться и проглядеть возвращение генерала, я не верю.

– «Верю – не верю» – это не аргумент, – подзадорил коллежского асессора Евгений Осипович. – Вы мне факты давайте.

– Извольте, – улыбнулся Фандорин. – После полуночи дверь гостиницы запирается на щеколду. Выйти, если кто пожелает, можно свободно, а если угодно войти – надобно звонить в колокольчик.

– Вот это уже факт, – признал генерал. – Но продолжайте.

– Единственный момент, когда Соболев мог вернуться – это когда наш б-бравый есаул отослал портье за сельтерской. Однако, как нам известно, это произошло уже на рассвете, то есть никак не раньше четырех часов. Если же верить господину Веллингу (а почему мы должны сомневаться в суждении этого п-почтенного профессора?), Соболев к тому времени уже несколько часов был мертв. Каков вывод?

Глаза Караченцева блеснули недобрым блеском:

– Ну и каков же?

– Гукмасов отослал портье для того, чтоб можно было незаметно внести б-бездыханное тело Соболева. Подозреваю, что остальные офицеры свиты в это время находились снаружи.

– Так допросить их, мерзавцев, как следует! – взревел обер-

полицеймейстер так грозно, что услышали в соседней комнате – доносившийся оттуда невнятный гул разом затих.

– Бесплезно. Они сговорились. Потому и сообщили о смерти с таким опозданием – готовились. – Эраст Петрович дал собеседнику минутку остыть и осознать сказанное, а затем повернул беседу в другое русло. – Что за Ванда такая, которую все знают?

– Ну, все не все, а в определенных кругах особа известная. Немочка из Риги. Певица, красавица, не вполне кокотка, но что-то вроде этого. Этакая *dame aux camelias* [Дама с камелиями (фр.)].

– Караченцев энергично кивнул. – Ход ваших мыслей мне понятен. Эта самая Ванда нам все и прояснит. Распоряжусь, чтобы ее немедленно вызвали.

И генерал решительно двинулся к двери.

– Не советовал бы, – сказал ему в спину Фандорин.

– Если что и было, с полицией эта особа откровенничать не станет. И с офицерами она наверняка в сговоре. Разумеется, ежели вообще причастна к произошедшему. Давайте, Евгений Осипович, я уж сам с ней потолкую. В своем партикулярном качестве, а? Так где «Англия» находится? Угол Столешникова и Петровки?

– Да, тут пять минут. – Обер-полицеймейстер смотрел на молодого человека с явным удовольствием. – Буду ждать известий, Эраст Петрович. С Богом.

И коллежский асессор, осененный крестным знамением высокого начальства, вышел.

Глава третья,

в которой Фандорин играет в подлянку

Однако дойти в пять минут до «Англии» Эрасту Петровичу не удалось. В коридоре, за дверью рокового 47-го номера, его поджидал мрачный Гукмасов.

– Пожалуйста-ка ко мне на пару слов, – сказал он Фандорину и, крепко взяв молодого человека за локоть, завел в комнату, расположенную по соседству с генераловыми апартаментами.

Этот номер был как две капли воды похож на тот, который занимал сам Фандорин. На диване и стульях расположилось целое общество. Эраст Петрович обвел взглядом лица и узнал офицеров из свиты покойного, которых давеча видел в гостиной. Коллежский ассессор приветствовал собрание легким поклоном, но ему никто не ответил, а в обращенных на него взглядах читалась явная враждебность. Тогда, Фандорин скрестил руки на груди, прислонился спиной к дверному косяку, и лицо его, в свою очередь, изменило выражение – из учтиво-приветливого разом стало, холодным и неприязненным.

– Господа, – строгим, даже торжественным тоном произнес есаул. – Позвольте представить вам Эраста Петровича Фандорина, которого я имею честь знать еще с турецкой войны. Ныне он состоит при московском генерал-губернаторе.

И опять никто из офицеров даже головы не наклонил. Эраст Петрович от повторного поклона тоже воздержался. Ждал, что последует дальше. Гукмасов обернулся к нему:

– А это, господин Фандорин, мои сослуживцы. Старший адъютант

подполковник Баранов, адъютант поручик князь Эрдели, адъютант штабс-капитан князь Абадзиев, ординарец ротмистр Ушаков, ординарец корнет барон Эйхгольц, ординарец корнет Галл, ординарец сотник Марков.

– Я не запомню, – сказал на это Эраст Петрович.

– Это и не понадобится, – отрезал Гукмасов. – А всех этих господ я вам представил, потому что вы обязаны дать нам объяснение.

– Обязан? – насмешливо переспросил Фандорин. – Однако!

– Да, сударь. Извольте объяснить при всех, чем были вызваны оскорбительные расспросы, которым вы подвергли меня в присутствии обер-полицеймейстера.

Голос есаула был грозен, но коллежский ассессор сохранил безмятежность, и даже всегдашнее его легкое заикание вдруг исчезло.

– Мои вопросы, есаул, были вызваны тем, что смерть Михаила Дмитриевича Соболева – событие государственной важности и даже более того, исторического масштаба. Это раз. – Фандорин укоризненно улыбнулся. – Вы же, Прохор Ахrameевич, морочили нам голову, причем весьма неуклюже. Это два. Я имею поручение от князя Долгорукого разобраться в сем деле. Это три. И, можете быть уверены, разберусь, вы меня знаете. Это четыре. Или все-таки расскажете правду?

Кавказский князь в белой черкеске с серебряными газырями – вот только вспомнить бы, который из двух – вскочил с дивана.

– Раз-два-три-четыре! Господа! Этот филер, эта штафирка над нами издевается! Проша, клянусь матерью, я его сейчас...

– Сядь, Эрдели! – гаркнул Гукмасов, и кавказец тут же сел, нервно дергая подбородком.

– Я вас действительно знаю, Эраст Петрович. Знаю и уважаю. – Взгляд есаула был тяжел и мрачен. – Уважал вас и Михал Дмитрич. Если вам дорога его память, не суйтесь вы в это дело. Только хуже сделаете.

Фандорин ответил столь же искренне и серьезно:

– Ежели бы это касалось только меня и моего праздного любопытства, то я непременно исполнил бы вашу просьбу, но тут, извините, не могу – служба.

Гукмасов хрустнул за спиной сцепленными пальцами, прошелся по комнате, тренькая шпорами. Вновь остановился перед коллежским асессором.

– Ну, так и я не могу. Не могу допустить, чтобы вы продолжили разбирательство. Полиция – пускай, но только не вы. Ваши таланты, господин Фандорин, здесь слишком некстати. Учтите, я остановлю вас любыми средствами, невзирая на прошлое.

– Например, какими же, Прохор Ахrameевич? – холодно осведомился Эраст Петрович.

– Да вот отличное средство! – снова встрял поручик Эрдели, вскакивая. – Вы, милостивый государь, оскорбили честь офицеров 4-го корпуса, и я вызываю вас на дуэль! Стреляться здесь и сейчас! Насмерть, через платок!

– Насколько я помню дуэльный артикул, – сухо произнес Фандорин, – условия поединка определяет тот, кого вызвали. Я, так и быть, сыграю с вами в эту глупую игру, но позже, когда закончу расследование. Можете присылать секундантов, я остановился в 20-ом номере. До свиданья, господа.

Он хотел было повернуться, но Эрдели с криком «Так я заставлю же тебя стреляться!» подскочил к нему и хотел вlepить пощечину. Эраст Петрович с удивительной ловкостью перехватил занесенную для удара руку и сжал запястье князя двумя пальцами – вроде бы несильно, но у поручика от боли перекосилось лицо.

– Мэррзавец! – фальцетом вскричал кавказец и замахнулся левой рукой. Фандорин оттолкнул неугомонного князя и брезгливо сказал:

– Не трудитесь. Будем считать, что пощечина уже нанесена. Я сам вызываю вас и заставлю заплатить за оскорбление кровью.

– Вот и отлично, – впервые разомкнул уста флегматичный штаб-офицер, которого Гукмасов представил как подполковника Баранова. – Называй свои условия, Эрдели.

Потирая запястье, поручик ненавидяще процедил:

– Стреляемся сейчас. Через платок.

– Как это – через платок? – с интересом спросил Фандорин. – Я слышал про этот обычай, но, признаться, деталей не знаю.

– Очень просто, – любезно сказал ему подполковник. – Противники берутся свободной рукой за два противоположных конца обычного платка. Да вот хоть мой возьмите, он чистый. – И Баранов извлек из кармана большой носовой платок в красно-белую клетку. – Берут пистолеты. Гукмасов, где твои лепажи?

Есаул взял со стола продолговатый футляр, видно, приготовленный заранее, и откинул крышку. Блеснули длинные, инкрустированные стволы.

– Противники по жребию берут пистолет, – миролюбиво улыбаясь, продолжил Баранов. – Целятся – хотя с такого расстояния что же целиться? По команде стреляют. Вот, собственно, и всё.

– По жребию? – переспросил Фандорин. – То есть один пистолет заряжен, а второй нет?

– Разумеется, – кивнул подполковник. – В том-то и смысл. Иначе это была бы не дуэль, а двойное самоубийство.

– Что ж, – пожал плечами коллежский асессор. – Тогда мне жаль поручика. Не было случая, чтобы я проиграл по жребию.

– На все воля божья, а говорить так дурная примета, сглазите, – наставительно заметил Баранов.

Пожалуй, все-таки он здесь главный, а не Гукмасов, подумал Эраст Петрович.

– Вам нужен секундант, – сказал угрюмый есаул. – Если угодно, то, как старый знакомец, могу предложить свои услуги. И не сомневайтесь, с жребием все будет честно.

– А я и не сомневаюсь, Прохор Ахrameевич. Что же до секундантства, то

вы не годитесь. Если мне не повезет, слишком уж будет похоже на убийство.

Баранов кивнул:

– Он прав. Приятно иметь дело с умным человеком. Прав и ты, Прохор, он опасен. Что вы предлагаете, господин Фандорин?

– Японский подданный в качестве секунданта вас устроит? Видите ли, я только сегодня прибыл в Москву и еще не успел обзавестись знакомствами...

Коллежский ассессор извиняющимся жестом развел руки.

– Хоть папуасский, – воскликнул Эрдели. – Только давайте побыстрее начнем!

– Будет ли врач? – спросил Эраст Петрович.

– Врач не понадобится, – вздохнул подполковник. – С такого расстояния бьют насмерть.

– Ну-ну. Я, собственно, не о себе, а о князе беспокоюсь...

Эрдели возмущенно воскликнул что-то по-грузински и отошел в дальний угол.

Эраст Петрович изложил суть дела в короткой записке, написанной диковинными значками сверху вниз и справа налево, и попросил отнести ее в двадцатый.

Маса явился нескоро – минут через пятнадцать. Офицеры уже начали нервничать и, кажется, заподозрили коллежского ассессора в нечестной игре.

Появление секунданта оскорбленной стороны произвело изрядный эффект. Ради поединка, до которых Маса был большой охотник, он вырядился в парадное кимоно с высокими накрахмаленными плечами, надел белые носки и перепоясался своим лучшим поясом с узором в виде ростков бамбука.

– Это еще что за макака! – невежливо изумился Эрдели. – Впрочем, плевать. К делу!

Маса церемонно поклонился присутствующим, поднес хозяину на вытянутых руках треклятую чиновничью шпажонку.

– Вот ваш меч, господин.

– Как же ты мне надоел со своим мечом, – вздохнул Эраст Петрович. – Я стреляюсь на пистолетах. Вон с тем господином.

– Опять на пистолетах? – разочарованно спросил Маса. – Что за варварский обычай. И кого же вы убьете? Того волосатого человека? До чего же он похож на обезьяну.

Свидетели поединка встали вдоль стены, а Гукмасов, отвернувшись, поколдовал над пистолетами и предложил противникам выбирать. Эраст Петрович подождал, пока Эрдели, перекрестившись, возьмет оружие и небрежно, двумя пальцами, подцепил второй пистолет.

Следуя указаниям есаула, дуэлянты взяли за края платка и отделились на максимально возможное расстояние, даже при вытянутых руках не превысившее трех шагов. Князь поднял пистолет на уровень плеча и прицелился противнику прямо в лоб. Фандорин же держал оружие у бедра и не целился вовсе, что на такой дистанции, Впрочем, было совершенно излишним.

– Раз, два, три! – быстро отсчитал есаул и подался назад.

Пистолет князя сухо щелкнул курком, зато оружие Фандорина изрыгнуло злой язык пламени, и поручик с воем покатился по ковру, держась за простреленную правую руку и отчаянно матерясь.

Когда вой сменился глухими стонами, Эраст Петрович назидательно произнес:

– Этой рукой вы никогда больше не сможете раздавать пощечины.

В коридоре раздался шум, крики. Гукмасов приоткрыл дверь и сказал кому-то, что произошел досадный казус – поручик Эрдели разряжал пистолет и

поранил руку. Раненого отправили на перевязку к профессору Веллингу, который, по счастью, еще не успел уехать за приспособлениями для бальзамирования, после чего все вернулись в номер к Гукмасову.

– Что дальше? – спросил Фандорин. – Вы удовлетворены?

Гукмасов покачал головой:

– Дальше вы будете стреляться со мной На тех же условиях.

– А потом?

– А потом – если вам снова повезет – со всеми остальными, по очереди. Пока вас не убьют. Эраст Петрович, избавьте меня и моих товарищей от этого испытания. – Есаул смотрел молодому человеку в глаза чуть ли не с мольбой. – Дайте честное слово, что не станете участвовать в расследовании, и мы разойдемся друзьями.

– Быть вашим другом считал бы за честь, но вы требуете невозможного, – (печально произнес Фандорин. Маса шепнул ему на ухо:

– Господин, я не понимаю, что вам говорит этот человек с красивыми усами, но чувствую опасность. Не разумнее ли будет напасть первыми и перебить этих самураев, пока они не изготовились? У меня в рукаве ваш маленький пистолет и еще тот кастет, который я купил себе в Париже. Очень хочется его опробовать.

– Маса, оставь свои разбойничьи замашки, – ответил слуге Эраст Петрович. – Я буду драться с этими господами честно, по очереди.

– О-о, тогда это надолго, – протянул японец и, отойдя к стене, сел на пол.

– Господа, – попытался воззвать Фандорин к благоразумию офицеров, – поверьте мне, у вас ничего не выйдет. Только зря время потеряете...

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)